

Было в этом что-то бунинское. Городские веранды, чтения и театры, свидания в парках. В саду «Эрмитаж» загорались один за другим круглые белые фонари, как будто кто-то сыпал в московские сумерки клюкву в сахаре. Захлебываясь, пел фонтан. Гималайские флажки нервно подпрыгивали на ветру, словно от желания рассказать последнюю сплетню. И под растяжками с цветными лоскутами, среди потухших клумб и скрипучих деревьев, ты ждал меня на скамейке. Мы брали шипучее вино в баре, бродили по дорожкам, выходили на бульвары и спускались к заряженной электричеством высоте. Это было так же просто, как летняя ночь.

В другой раз я неслась с работы, пытаюсь попасть на самый быстрый поезд в метро и переиграть течение времени. Спешила на спектакль, который мы выбрали так — мое любимое произведение, твоя любимая актриса. Я приехала к первому звонку, залпом выпила в буфете шампанское, закусила бутербродом с лососем, лимон, сделав сальто, шлепнулся на кафельный пол. И вот мы протикиваемся на свои места, толкая чужие недовольные колени. Гаснет свет, зрители исчезают.

В июле мы отмечали день рождения Маяковского. Лето перевалило за середину, с деревьев незаметно сыпались первые листья, и ночи вдруг стали на тон темнее — мы не замечали этого, мы праздновали, устроив пикник в Ботаническом саду. Говорили, спорили, зачем нарочито-граненый слог, зачем строки-ступени, зачем сначала бант на шее, а потом жилетка и пиджак. Да и поэзия ли это или митинг, оказавшийся в итоге несогласованным? Домой мчались на такси, держась за руки, мимо вывесок, остановок с рекламой, столбов, район за районом. И казалось, что можно вот так безнаказанно лететь сквозь остаток ночи, сквозь остаток лета, упиваться своей свободой, кружить, как оторвавшиеся листья... Бесцельно, легко.

Первый раз мы встретились на чьем-то дне рождения. Мы сидели у стола, на котором стояли бокалы с приветственным шампанским, гости развлекали друг друга, разговоры, закручиваясь водоворотами, текли мимо нас. Наши взгляды встретились — и не то чтобы промелькнула искра, нет, напротив, никакого огня как раз не было — нас накрыло волной понимания, что мы похожи своей непохожестью. Мы ничего не ждали и ничего не искали. Нам почти ничего не было нужно, разве что чуть-чуть и раз в неделю, красивая спутница, нескучный собеседник, возможность дойти до края отдельности и заглянуть — как там?

Мы уехали вместе, гуляли всю ночь. Из бара на «Лубянке», где проходила вечеринка, нарядного, точно дворцовая люстра, с маленькими блестящими столами и большими окнами, поехали на сбитую из досок веранду с разными стульями, а потом в секретное и крошечное место в подворотне есть корейскую лапшу, в три часа ночи я всегда умираю от голода. Вместо того чтобы протрезветь, закончили пивом. Под утро, оно было пасмурным, как будто город накрыли посеребрившим одеялом из подвала, ты сказал: «Думаю, мы можем поцеловаться». И мы поцеловались.

Вечером я была у тебя. И снова игристое, эта история пропитана им. Мы отправили бутылку в морозилку, конечно, забыли про нее, и когда ты открыл

шампанское, пробка выскочила, а промерзшее содержимое полезло наружу, оно поднималось рваными, пенными, холодными облаками. И я ела эти облачка, коктейль из ледяных искр и маленьких полярных звезд. И это было впервые.

Потом мы взяли бокалы, вышли на балкон, курили, чокались, говорили о постороннем. Может быть, обсуждали вчерашнюю вечеринку, а, может, нового Пелевина. Мы были спокойны. Казалось, будто эта сцена была до блеска отрепетирована. Мы, конечно, знали, что бывают сильные чувства, от которых переворачивается мир, что можно взлететь на самую вершину любовного аттракциона и зависнуть в счастливом, неземном моменте, но мы так же знали, что потом всегда отвесно летишь вниз. И тебя придавливает то самое огромное чувство. Не пытайтесь это повторить. Мы и не пытались.

Утром пили кофе, молчали, дневная обычная жизнь была совсем не для нас. Меня пугала чужая кухня, шкафы с кастрюлями и газовая плита, отдаленный намек на возможность совместного быта. В следующий раз я ушла на рассвете. Ночью шел короткий, яростный дождь, и пока я шагала к метро, золотое небо отражалось в мокрых окнах, лужах, капотах машин. В августе дожди стали спокойнее, но чаще и длиннее. На том же самом маршруте я впервые заметила, как меняет цвет липа. Все дерево было еще совершенно зеленым, без вкрапления желтых листьев, и только с одной стороны висела целая золотая гроздь. Было понятно, что лето собралось уходить.

Веранды, парки, чтения под открытым небом, все это вдруг прекратилось. В один из солнечных дней мы поехали на водохранилище. Оно было гладким и черным, у берега в воде плавали начинающие гнить листья. Небо было ясным, на пустом пляже было холодно, и мы быстро решили вернуться в город. На обратном пути вдруг совершенно случайно заговорили о том, чтобы съехаться. И сами испугались.

Мы продолжали видеться, ходили обедать, встречались в театрах, вместе возвращались на такси. Но я выходила у себя, а ты ехал дальше. Между собой мы тоже стали отдельно. Зима прошла в спячке, в марте ввели карантин. Наша разьединенность стала узаконенной. Иногда мы переписывались. Один раз я спросила: как ты думаешь, почему мы, живые люди, так боимся жить, боимся позволить сердцу биться чаще, прикидываемся профессионалами отношений, которые играют наверняка и метко растрчивают свои чувства? Ты ответил, что мы все-таки не из рассказов Бунина. И это правда. Никто не умирал от любви, не стрелялся, и никто в конце концов не умер. Самое странное, что мы все еще живы и куда-то летим.